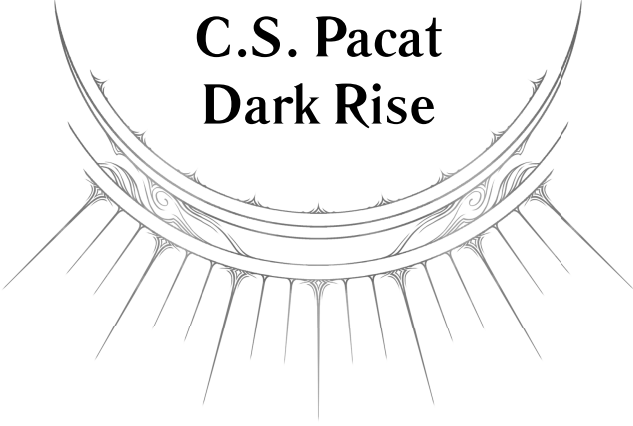

C.S. Pacat
Dark Rise

К.С. ПАКАТ

И ТЬМА ВЗОЙДЁТ

Москва
2021

УДК 821.111-312.9(94)

ББК 84(8Авс)-44

П13

C.S. Pacat
DARK RISE

Copyright © Gatto Media Pty Ltd 2021

Перевод с английского *Анны Сешт*

Пакат, К.С.

П13 И тьма взойдёт / К.С. Пакат ; [перевод с английского А. Сешт]. — Москва : Эксмо, 2021. — 416 с.

ISBN 978-5-04-111773-3

Герои древних сказаний мертвы. Великие битвы между Светом и Тьмой забыты. Лишь Хранители помнят о них – и веками ждут, когда вернётся Тёмный Король. Ибо тогда пробьёт их час, ведь человечеству больше не на кого будет надеяться.

Шестнадцатилетний юнга Уилл бежит от людей, убивших его мать. Когда старый слуга рассказывает, что его предназначение – сражаться бок о бок с Хранителями, Уилл становится частью совершенно другого мира. Мира, где существует магия. Мира, где Уилл должен тренироваться до изнеможения, чтобы сыграть ключевую роль в надвигающейся битве с Тьмой.

Пока Лондон ждёт возвращения Тёмного Короля, а юные воины Света и Тьмы ищут своё место в грядущей войне, герои и злодеи из старых легенд возвращаются, чтобы снова встретиться на поле боя. И в душах их пробуждаются давние пристрастия, давняя вражда... и пламя любви, что сильнее вечности.

УДК 821.111-312.9(94)
ББК 84(8Авс)-44

ISBN 978-5-04-111773-3

© Анна Сешт, перевод на русский язык, 2021
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2021

ПРОЛОГ

Лондон, 1821

— Приведи его в чувство, — велел Джеймс. Суровый моряк быстро поднял деревянное ведро, которое держал в руках, и выплеснул содержимое в лицо мужчины, безвольно повисшего перед ними на цепях.

Вода хлестнула пленника, и он пришёл в себя, кашляя и хватая ртом воздух.

Даже мокрый, избитый и закованный, Маркус держался с благородством, словно доблестный рыцарь на выцветшем гобелене.

«Высокомерие Хранителей», — подумал Джеймс.

Оно витало в воздухе, словно вонючие речные миазмы, несмотря на то, что Маркуса обездвигили и заковали в трюме грузового судна Саймона Крина.

Изнутри корабль походил на китовую утробу из дерева: с низким потолком, без окон. Свет давали только две лампы, которые моряки подвесили около часа назад, когда притащили пленника. Снаружи всё ещё было темно, хотя Маркус не мог об этом знать.

Маркус моргнул мокрыми ресницами. С прядей тёмных волос, упавших на глаза, стекала вода. Изодранные одежды ордена с белой звездой на груди потемнели от грязи и крови.

Джеймс видел, как нарастал ужас в глазах Маркуса, когда тот понял, что всё ещё жив.

Он знал. Он знал, что его ждёт.

— Итак, Саймон Крин был прав насчёт Хранителей, — проговорил Джеймс.

— Убей меня, — голос Маркуса звучал хрипло, словно, увидев Джеймса, он в полной мере осознал, что происходило. — Убей меня, Джеймс. Прошу. Если ты хоть что-то испытывал ко мне.

Джеймс отослал моряка, стоявшего рядом, дождался, пока тот уйдёт, пока смолкнут все звуки, кроме шума воды и скрипа дерева, и они с Маркусом останутся наедине.

Руки пленника были скованы за спиной, не позволяя толком удерживать равновесие. Он неловко повис на цепях, которые крепились к четырём железным бракетам¹ корабля и надёжно удерживали Маркуса. Взгляд Джеймса скользил по массивным железным звеньям.

— Все эти обеты. Да ты и не жил никогда по-настоящему. Разве тебе не хотелось быть с женщиной? Или с мужчиной.

— Вроде тебя?

— Эти слухи, — ровно проговорил Джеймс, — лживы.

— Если ты когда-нибудь испытывал хоть что-то к кому-то из нас...

— Ты отстал от стада, Маркус.

— Умоляю...

Пленник произнёс эти слова так, словно в мире существовал некий кодекс чести, словно стоило только обратиться к светлой стороне человека — и добро восторжествует.

Джеймс был по горло сыт этим лицемерным самодовольством.

— Что ж, тогда умоляй меня. На коленях умоляй, чтобы я убил тебя. Давай же.

Он не предполагал, что Маркус так и поступит, но тот в самом деле опустился на колени. И скорее всего, ему это даже нравилось — преклонить колени в акте мученического самопожертвования. Маркус был Хранителем; он всю свою жизнь провёл, соблюдая обеты и следуя правилам, веря в понятия вроде благородства, истины и добра.

В цепях, без возможности удержать равновесие руками, Маркус двигался неловко; это было унижительно, но с трудом он всё-таки принял новую позу, склонив голову и раздвинув колени на досках.

— Прошу. Джеймс. Прошу тебя. Ради того, что ещё осталось от Хранителей.

Джеймс посмотрел сверху вниз на его склонённую голову, на измученное, но всё ещё красивое лицо человека, сохранившего достаточно наивности, чтобы на что-то надеяться.

— Я останусь верен Саймону, — сказал Джеймс, — и буду рядом с ним, когда он прервёт весь род Хранителей. И не оста-

¹ Б р а к е т а — пластина прямоугольной или иной формы, служащая для подкрепления балок судового набора или соединения их между собой. (Здесь и далее прим. пер.)

новлюсь до тех пор, пока в вашем Чертоге не останется никого, пока последний ваш светоч не померкнет. А когда придёт тьма, я буду стоять по правую руку от того, кто станет править всем, — голос Джеймса не дрогнул. — Думаешь, я что-то испытывал к вам? Ты забыл, кто я.

Маркус поднял взгляд, и его глаза сверкнули — единственным предупреждением. Хранитель дёрнулся, призвав всю свою силу; его мышцы напряглись, бугрясь, оковы впились в плоть... На один ужасный миг железо застонало, поддаваясь...

Маркус с болью застонал — тело подвело его. Джеймс коротко, с облегчением рассмеялся.

Хранители были сильны. И всё же недостаточно.

Маркус тяжело дышал. Его взгляд горел гневом, но под покровом гнева таился страх.

— Ты не правая рука Саймона, — проговорил он. — Ты лишь жалкий червь. Лизоблюд. Скольких из нас ты убил? Сколько ещё Хранителей погибнет из-за тебя?

— Все до единого. Останешься только ты.

Лицо Маркуса стало пепельно-серым, и на миг Джеймсу показалось, что тот снова будет умолять. О, Джеймсу бы это понравилось. Но в тягучей тишине Маркус просто смотрел на него. Что ж, пока хватит. Маркус ещё *будет* умолять, прежде чем всё закончится. Джеймсу даже провоцировать не придётся — нужно просто немного подождать.

Маркус будет умолять, но никто не придёт ему на помощь, никто не найдет здесь, на корабле Саймона.

Удовлетворённый, Джеймс развернулся и направился к деревянному трапу, ведущему на палубу. Он уже занёс ногу над первой ступенькой, когда за спиной раздался голос Маркуса:

— Мальчик жив.

Джеймс ощутил жгучую досаду от того, что эти слова заставили его остановиться. И всё же он удержался: не обернулся, не посмотрел на Маркуса, не заглотил наживку. Поднимаясь по трапу, он ответил спокойно и ровно:

— Именно в этом заключается ваша проблема, Хранители. Вам всегда кажется, что надежда ещё есть.

ГЛАВА 1

Девять месяцев спустя

Уилл увидел Лондон впервые ещё до восхода солнца — угольно-чёрные силуэты на фоне чуть более светлого неба, лес мачт на реке и подъёмные краны, строительные леса, трубы и дымоходы.

Доки просыпались. Двери первого склада на левом берегу были отперты и широко распахнуты. Там собрались мужчины, которые выкрикивали свои имена в надежде получить работу; другие уже сидели в мелководных лодках, сматывая верёвки. Старший помощник в атласном жилете приветствовал бригадира. Трое детей в закатанных штанах копались в грязи в поисках медного гвоздя или небольшого кусочка угля, обрывка верёвки или обломка кости. Женщина в тяжёлых юбках сидела на ящике и громко перечисляла сегодняшние товары.

Речная баржа неспешно скользила по чёрной воде. Уилл высунулся из-за связанных между собой бочек рома, готовясь спрыгнуть на берег. Ему было поручено проверить верёвки, которыми были стянуты бочки, чтоб не скользили, а затем сделать на канатах петли или же просто навалиться всем весом, чтобы помочь разгрузить судно. В отличие от большинства портовых рабочих, Уилл не был сложен крепко точно вол, но он был трудолюбив, и его способностей хватало, чтобы тянуть бочки и закидывать мешки в телегу или лодку.

— Впереди причал, пристаём! — крикнул Эбни, хозяин баржи.

Уилл кивнул и подхватил верёвку. Сперва — утренняя работа по разгрузке, потом — перерыв на полчаса. Рабочие обычно проводили свободное время за курением трубок и употреблением спиртного. Мышцы юноши уже болели от натуги, но он знал, что скоро войдёт в ритм, встроится. Наградой же за труд служили чёрствая краюха хлеба, корка сыра и гороховый суп

из котла. Уилл уже с нетерпением ждал конца дня, представляя согревающий вкус похлебки и радуясь, что перчатки без пальцев уберегали руки от холода.

— Приготовить верёвки! — выкрикнул раскрасневшийся от спиртного Эбни, который держал ладонь на ближайшем из канатов, прямо рядом с одним из узлов Уилла. — Креншоу хочет, чтоб мы разгрузили баржу до полудня.

Команда баржи резво взялась за дело. Остановить тридцатитонное судно с помощью одних только течений и шестов было тяжело и в дневном свете, а уж в темноте тем более. Ткнёшь слишком быстро — и длинные жердины сломаются, слишком медленно — и баржа врежется в пристань, дерево треснет. Матросы лихтера погружали шесты в речной ил и наседали, противодействуя всей массе судна.

— Отдать швартовы! — прозвучала команда. Теперь нужно было закрепить баржу у причала, прежде чем начать разгружать.

Баржа замедлила ход и постепенно остановилась, чуть покачиваясь на тёмной воде. Матросы убрали шесты и бросили швартовые концы, потом как следует натянули верёвки и завязали крепкие узлы.

Первым с баржи спрыгнул Уилл и закрепил свой канат на швартовочном столбе, помогая тем, кто остался на палубе, притянуть баржу поближе к причалу.

— Бригадир сегодня будет пить с торговцем, — сказал Джордж Мёрфи, ирландец с пышными бакенбардами, который тянул канат вместе с Уиллом. Об этом говорили все в доках — о работе и как её получить. — Может, предложит нам поучаствовать в новом дельце, если тут хорошо справимся.

— Когда выпьет, он, конечно, в ударе, но вот удар этот обычно мимо, — ответил Уилл, и Мёрфи добродушно хмыкнул. Как правило, Уилл ничего не комментировал.

— Думаю, пересекусь с ним опосля, погляжу, может, наймёт меня, — сказал Мёрфи.

— Это в любом случае лучше, чем стоять у ворот, надеясь, что дадут работу на денёк, — согласился Уилл.

— Может, даже мясца перепадёт в воскресенье...

Щёлк!

Уилл повернул голову как раз вовремя, чтобы заметить, как один из канатов сорвался и взметнулся в воздух.

На этом судне перевозили тридцать тонн груза: не только ром, но и пробковое дерево, ячмень и порох. Верёвка, соскользнувшая с железных колец, высвободила всё это, прорвав холст, и бочки покатались по причалу, кувыряясь и громохкая. Мёрфи стоял прямо у них на пути.

«Нет»!

Уилл бросился на Мёрфи, оттолкнув его в сторону от каскада бочек, и принял удар одной на себя. Зубы клацнули, плечо вспыхнуло от боли. Тяжело дыша, юноша приподнялся, глядя на потрясённое лицо Мёрфи, и почувствовал прилив дикого облегчения — мужчина был в полном порядке, разве что шапка слетела, обнажив примятые волосы над бакенбардами. А потом оба осознали весь ужас происходящего.

— Тяните! Тащите их из воды!

Рабочие вокруг ныряли, отчаянно пытаясь спасти груз и выталкивая бочки на галечный берег. Уилл тоже прыгнул в реку, стараясь не обращать внимания на повреждённое плечо, но гораздо сложнее было игнорировать вспыхивавшие перед глазами образы: как сорвался канат, как Мёрфи стоял прямо на пути бочек. Груз ведь мог убить его. Уилл постарался сосредоточиться на задании. Интересно, насколько сильны повреждения? Пробковое дерево всплыло, бочки с ромом как следует закупорили, а вот селитра растворялась в воде. А ведь ещё был порох — не отсырел ли он намертво?

Каково это — потерять полную баржу пороха? Неужели всё дело Креншоу, всё его богатство в буквальном смысле пошло ко дну?

В доках случалось всякое. Только на прошлой неделе Уилл видел, как ломовая лошадь, тянувшая баржу по каналу, внезапно понесла в сторону, сорвав канаты и перевернув судно. А Эбни рассказывал, как лопнула цепь, убив четверых рабочих и отправив на дно груз угля. У Мёрфи не хватало двух пальцев из-за неудачно поставленных ящиков. Каждый докер понимал, что такова повседневная реальность: кто-то пытался сэкономить, кто-то — схалтурить.

— Чёртова верёвка соскользнула! — выругался Беккет, пожилой рабочий в коричневом жилете, застёгнутом под горло, и указал на порванный канат. — Во, — затем повернулся к Уиллу, который стоял ближе всех. — Эй ты, принеси-ка ещё верёвки

и лом, чтоб вскрыть эти бочки, — старик кивнул в сторону склада. — И побыстрее. Чем больше потеряем времени — тем меньше заплатят.

— Да, мастер Беккет, — ответил Уилл, прекрасно понимая, что лучше не спорить.

Старик уже повернулся к нему спиной и отдавал распоряжения остальным возвращаться к работе и нести мешки и ящики в обход стоявших на берегу бочек, с которых стекала вода.

Уилл поспешил к складу.

* * *

Склад Креншоу, одно из множества больших кирпичных зданий, выстроившихся вдоль берега, был заполнен товарами в бочках и ящиках. Они лежали здесь ночь-другую, прежде чем попасть в гостиные, на обеденные столы или в чьи-то курительные трубки.

Воздух внутри был холодным и до тошноты вонял серой из жёлтых баков, шкурами, сложенными в стопки, и приторно-сладким ромом в бочонках. Уилл уткнулся носом в рукав, когда сильный до рези в горле запах специй, которых он никогда не пробовал, перебил даже аромат свежего табака, сложенного там же. Пару недель назад им пришлось таскать ящики на складе вроде этого, после чего Уилл кашлял несколько дней, с трудом скрывая это от бригадира. Юноша уже привык к вони реки, но от запахов смолы и спиртного у него слезились глаза.

Рабочий с аляповатым ярким платком, повязанным вокруг шеи, укладывал брёвна, но при виде Уилла остановился.

— Ты чего, потерялся?

— Беккет послал меня за верёвкой.

— Там поищи, — рабочий ткнул большим пальцем за спину.

В дальнем конце склада рядом с несколькими старыми бочками и грудой пропахших смолой канатов Уилл нашёл лом, подхватил его и огляделся в поисках запасного мотка верёвки, который можно было перекинуть через плечо и отнести обратно на баржу.

Рядом ничего не наблюдалось, как и за бочками. А вот слева виднелся какой-то предмет, полуприкрытый белой тканью.

Может, там? Уилл протянул руку и стащил пыльное полотно. Оно оказалось на удивление тяжёлым.

Материя скрывала прислоненное к ящику с грузом зеркало, отлитое из металла— явно старинное, артефакт древней эпохи, когда отражающие поверхности ещё не делали из стекла. Искривлённое, испещрённое прожилками, оно разбивало отражение Уилла на разрозненные части: мутные пятна бледной кожи и тёмных глаз. «Здесь тоже ничего», — подумал он и собирался уже вернуться к поискам, когда что-то внутри зеркала привлекло его внимание.

Вспышка.

Уилл резко обернулся, решив, что увидел в отражении чьё-то движение за спиной, но там никого не было. Странно, неужели показалось? В этом конце склада никого не было, лишь длинные пустые коридоры тянулись между сложенными ящиками. Юноша снова посмотрел в зеркало.

Матовая металлическая поверхность потускнела от времени и местами была повреждена, так что едва позволяла разглядеть контуры собственной фигуры. Однако в замутнённой глубине всё ещё виделось движение.

Отражение менялось.

Уилл замер и уставился в зеркало, не решаясь даже вздохнуть. Смутные очертания на металле преображались у него на глазах, складываясь в колонны и широкие открытые пространства... Это было невозможно, и всё же происходило. В матовой поверхности отражалось какое-то древнее место. Некому было остановить Уилла, велеть ему не приближаться, не вглядываться сквозь годы.

Там, внутри зеркала, была женщина. Её он увидел первой, или, по крайней мере, так ему показалось, а потом уже разглядел огонёк свечи. Её волосы были заплетены в косу, перекинутую через плечо, и спускались до самого пояса, мерцающая золотом в огоньке свечи.

Незнакомка что-то писала на страницах книги с ярким цветным обрезами. Заглавные буквы украшали крошечные фигурки. Снаружи царилась ночь. В комнате виднелся балкон со сводчатым потолком и несколькими ступеньками, которые — откуда-то Уилл знал точно — вели в сады. Он никогда не видел этого помещения, но откуда-то помнил сочную зелень, ночные

запахи и тёмные кольшущиеся силуэты деревьев. Инстинктивно юноша подался вперёд, чтобы разглядеть отражение чуть лучше.

Женщина перестала писать и вдруг повернулась к нему.

Она смотрела прямо на Уилла мамиными глазами. Он поборол невольное желание отступить на пару шагов.

Незнакомка направилась к нему, пока не подошла вплотную, на расстояние вытянутой руки. Платье шлейфом тянулось за ней. Уилл видел подсвечник со свечой в её руке и яркий медальон на шее, и даже мог бы разглядеть собственное лицо в её глазах — маленькое, как трепещущее пламя свечи, двойное мерцание.

Но вместо этого увидел в глазах женщины отражение зеркала, серебряного, нового.

Того же самого, в которое смотрел сам Уилл.

— *Кто ты?* — раздался голос.

Он отпрянул, споткнулся, и только в тот момент с досадой понял, что вопрос, конечно же, донёсся не из зеркала, а из-за спины. Один из складских рабочих подозрительно оглядывал застывшего юношу, подняв лампу.

— А ну-ка марш работать!

Уилл моргнул. Перед ним снова был склад с отсыревшими ящиками, унылый, обычный. Сады, высокие колонны и леди в зеркале исчезли. Как будто заклинание разрушилось. Или всё это ему только привиделось? Может, из-за запахов на складе? Хотелось немедленно потереть глаза, может, даже поймать тот образ, который он видел только что. Но зеркало стало просто зеркалом, отражающим обычный мир вокруг. Видение в нём исчезло — фантазия, грёза, или просто игра света.

Сбросив оцепенение, Уилл заставил себя кивнуть и выговорить:

— Да, сэр.

ГЛАВА 2

Бездельничанье перед зеркалом на складе обошлось Уиллу в три недели урезанного заработка и понижением. Теперь он выполнял самые тяжёлые работы в доках, но заставил себя пройти через это, хотя мышцы горели, а живот сводило от голода. Первые три дня пришлось заниматься дренажными работами и таскать грузы, затем разжалованного юношу отправили крутить кабестан¹. Вместе с шестью другими рабочими, каждый из которых был намного крупнее самого Уилла, он с трудом крутил ворот, поднимавший гигантские контейнеры по восемнадцать футов. С ноющими от усилий ногами он каждый вечер возвращался в переполненную ночлежку, слишком измождённый, чтобы даже подумать о видении в зеркале. Сил хватало только на то, чтобы рухнуть на грязный соломенный тюфяк и уснуть.

Уилл не жаловался. Креншоу всё ещё был в деле. Уилл хотел эту работу. Даже с заниженным заработком трудиться в доках было лучше, чем копаться в мусоре. Хотя при приезде в Лондон приходилось перебиваться и такой скудной добычей. А иногда даже выпрашивать объедки. Спустя несколько дней Уилл научился собирать обгоревшие окурки сигар, высушивать их и продавать докерам табак для трубок. Тогда-то он и услышал, что в доках любой может получить чёрную работу, если только готов работать как следует.

Солнце уже садилось, когда Уилл закинул в кучу последний мешок ячменя. К тому моменту многие ушли — колокол уже прозвенел. Выдался изнурительный день работы в двойном темпе без перерывов, чтобы наверстать упущенное, так как баржа пришла слишком поздно. На берегу осталось мало людей, и последние из них как раз заканчивали работу.

¹ Кабестан — вид лебёдки, механизм для передвижения тяжёлых грузов. Представляет собой вертикальный ворот. При вращении цепь или канат наматывается на вертикальный вал.

Требовалось только отметить у бригадира, и вечер был свободен. Можно отправиться на главную улицу, где собирались продавцы еды, предлагая рабочим перекусить по разумной цене. Уилл трудился допоздна и, скорее всего, уже пропустил свою порцию горохового супа, но у него ещё оставалась последняя монетка, чтобы купить горячий картофель — как раз достаточно, чтобы заправиться до завтра.

— Бригадир вон там, — Мёрфи указал подбородком вперёд, вверх по течению.

Уилл бросился туда, чтобы успеть перехватить бригадира прежде, чем тот уйдёт. Юноша повернул за угол, попрощавшись с Беккетом и последними рабочими, которые уже побрели в сторону кабака. Он шагал вдоль берега; под ногами хрустела галька. Вдалеке продавец каштанов зазывал докеров купить его товар. Бородатое лицо мужчины казалось багровым в отблесках огня, мерцавшего сквозь щели на дне печки.

Только теперь, дойдя до пустой пристани, Уилл огляделся и понял, где оказался.

Уже почти стемнело. На улицах зажигали масляные лампы с едва трепетавшим пламенем, но на причале никого не было. Лишь доносился плеск чёрной воды и далёкие сигналы дренажной лодки, которая медленно скользила по каналу к реке и вылавливала всё, что можно найти. Пристань была абсолютно безлюдна — ни души.

За исключением троих мужчин у старой верейки¹, полускрытой тёмным настилом.

Уилл не мог сказать, в какой момент ощутил острую тревогу, или чем было вызвано чувство. Бригадир исчез. Вокруг не было никого, кто мог бы услышать крик о помощи. Трое мужчин вылезли из лодки.

Один из них посмотрел вверх — прямо на Уилла.

«Они нашли меня».

Юноша понял это сразу, увидев целеустремлённые взгляды незнакомцев. Они вылезли из верейки и разошлись в стороны, преградить ему путь.

Сердце ушло в пятки.

¹ Верейка — небольшая узкая лодка, традиционно использовавшаяся в Англии для перевозки пассажиров через реку или канал.